

Заметки на полях семейной биографии Оскара Строка

“Король сочиняет танго” - так назвала свой недавний очерк об О.Строке Э. Чуянова (СМ, Рига, 1997, 10 янв.). В основе его – беседа автора очерка с внучкой О.Строка, в ходе которой были изложены некоторые семейные предания и легенды. С семейными легендами считаться надо – они тоже входят в мемуарный фонд. Но этот отдел мемуаристики, если есть возможность, всегда необходимо сопоставить с документами и свидетельствами современников, очевидцев. В результате наложения одного уровня материала на другой и возникает панорамное изображение.

Не посягая на “королевское достоинство” (пусть он будет “королем”), постараемся дать представление о том, как современникам являл себя Оскар Строк, как это запечатлелось в печатных свидетельствах.

Начнем с музыкального образования О.Строка. Сам он в “Шлагер–календаре”, - выпущен его же издательством “Казанова” в 1935 году, – аттестовался так:

“Строк Оскар. 1892. Пианист – Петербургская консерватория по классу рояля у проф. Н.Дубасова в 1916 г.”. Что означает эта саморекомендация? Окончил консерваторию в 1916 году или прошел курс рояля у проф. Н.Дубасова в 1916 году?

Мы в свое время пытались получить подтверждение об окончании Строком консерватории или хотя бы о факте его обучения в ней, но пока – безрезультатно. Сведения М.И.Мангушева и Б.Л.Котлярчука: Строк был в 1913 году принят по классу композиции в Петербургскую консерваторию, “которую окончил с отличием” (Король танго. – Музыкальная жизнь, 1990, № 20, с.30), нуждаются в документальном подтверждении. Но уж во всяком случае, совершенно невероятной представляется изложенная Э.Чуяновой семейная легенда, гласящая, что Строк окончил консерваторию в 14 лет. Известно, что в консерватории, помимо высших классов, были низшие, приготовительные, по окончании которых выдавался аттестат, его мог получить и вольнослушатель. А прошедшие высшие классы получали диплом и звание свободного художника. Мог ли О.Строк сказать о себе: я - свободный художник! Может быть, речь должна идти о приготовительных классах (фактически училище), их вполне можно было окончить в 14 лет.

Откуда вообще у нас возникли сомнения...а был ли мальчик...диплом Санкт–Петербургской консерватории? Вспомним Тэффи, которая, рассказывая о том, что в эмиграции особы дамского пола чуть ли не через одну выдавали себя за губернаторскую дочь, восклицала: “А я и не подозревала, что у нас в России было ужас сколько губернаторов!”

В 20-е годы в Риге, как и в других эмигрантских центрах, можно было выдавать

себя за кого угодно и приписывать себе любое звание, вплоть до великокняжеского. Вспомним еще Милюкова, говорившего, что в эмиграции столько профессоров российских университетов, что скоро он один останется доцентом.

Что же удивительного в том, что любой музицирующий мог объявить себя выпускником хоть Московской, хоть Петербургской консерватории.

В том же “Шлагер-календаре” все братья Строк отмечены высокими степенями. Вот аттестация заграничных Строков:

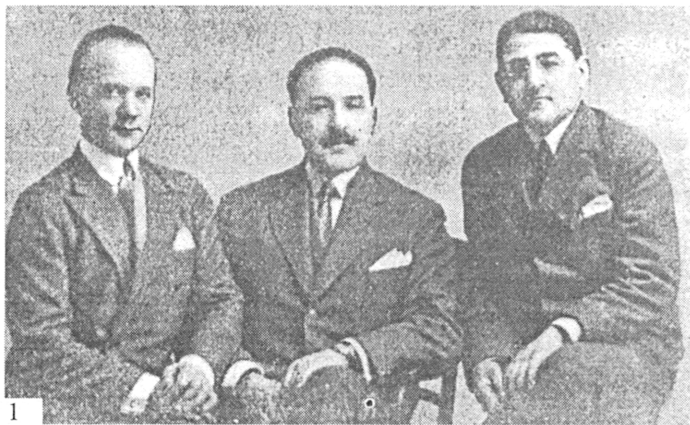
“Строк Авсей. Знаменитый импрессарио на Д.Востоке. (Фр.Крейслер, Галли Курчи, Цимбалист, Хейфец и др.)”. Полистав, находим еще, что он был (?) сотрудником самого Сола Юрока, знаменитого импрессарио. Но знаменитым был только С.Юрок, а “за Авсея Строка разговора нет”.

Следующий брат – Лев.

“Строк Лев (Строков), выдающийся скрипач. Петербургская консерватория у проф. Л.Ауэра с мал. зол. медалью. Потом у Изаи. Сейчас в Америке”. Америка ничем не подтвердила звание “выдающийся”, так как Л.Строков остался в ней незамеченным. Но в Риге он действительно блеснул – с помощью своего брата Оскара. Остановимся на этом эпизоде чуть подробнее, поскольку эпизод этот характеризует и эпоху, и братьев Строк, и газетчиков той поры.

В №5 журнальчика “Панорама” за 1927 г. находим фотографию:

“Ред.-изд. “Новой Нивы” и “Панорамы” О.Д.Строк, дирижер Бронислав Шульц и скрипач-виртуоз Лео Строков на даче в Эдинбурге” (Фото 1).

Затем в журнале “Новая Неделя” (1927, №13) появляется скромная фотография с еще более скромной надписью:

“Известный скрипач Лео Строков, ученик проф. Ауэра и Изаи выступает с исключительным успехом во всех главных центрах Европы, печать которой полна самых восторженных отзывов. Знаменитый Изаи называет Строкова новым Панини”.

В №30 “Новой Нивы” этот же портрет украшает уже всю обложку.

В газете “Сегодня” (1927, № 57) появляется фотография: “Три известных скрипача – Тибо, Изай и Л.Строков”. Невооруженным глазом можно обнаружить, что это откровенный фотомонтаж – Л.Строков прилеплен сзади. (Фото 2).

Что касается “самых восторженных отзывов” мировой печати, то читатель может пробежаться взглядом по репродукции оборотной стороны обложки “Новой Нивы” за тот же год – №18.

Так делаются репутации. Нахальство, как и совершенство, пределов не имеет.

Но впереди еще концерт Л.Строка в Риге. Музыкальный рецензент газеты “Слово” Иван фон Нолькен, похвалив хороший инструмент, дал концерту снисходительную оценку и закончил рецензию так: “...Игра не является настолько совершенной, чтобы можно было серьезно говорить о том, что г. Строков “является одним из самых выдающихся виртуозов нашего времени” (Слово, 1927, 21 мая).

Зато рецензент “Сегодня” В.Юревич вынес поистине убийственный приговор:

“... Я еще допускаю, что “король скрипки” в силу волнения или других каких причин не может чисто настроить своего инструмента. Но когда “один из самых выдающихся артистов нашего времени”, “властелин своего искусства” не может сыграть трех тактов сколько-нибудь ритмично, когда “величайший артист” так и сыплет не то что нечистыми, но просто—таки грязными пассажами, когда “знаменитый скрипач” в каденце [!], например, к “Фолии” забирается в такие ультрахроматические дебри неряшливой интонации, что вступления пианиста ждешь со страхом, то... от более детального разбора концерта приходится отказаться” (Сегодня Вечером, 1927, 21 мая).

После таких рецензий Лев Строков исчезает из поля зрения рижан. Но Оскар Строк остается в Риге, озаряемый бенгальскими огнями двусмысленной славы.

2

В истории этой – весь Оскар Строк: все в превосходной степени, всюду комплименты самому себе и сво им близким, всюду уверенность в том, что публику можно загипнотизировать. Поэтому даже обычные ре кламные объявления приправлены степенью самовосхваления, не каждому маэстро свойственной:

“Foxtrot-Diele – ежедневно в голубом зале любимец публики композитор шлагеров Оскар Строк...”
“Величайшие шлагеры сезона, наигранные знамени-

11 Среда	Заль Латвийской Консерватории.	11 Среда
	ВЪ СРЕДУ, 11-ГО МАЯ 1927 Г. СОСТОИТСЯ ВЪ СРЕДУ, 11-ГО МАЯ 1927 Г. КОНЦЕРТЪ знаменитого скрипача ЛЕО СТРОКОВА.	
Билеты у П. Нельдера стр. 1—5. Начало в 8 ч. 30 м. У роля Л. Демант.		

тым композитором Оскаром Строком...” (Сегодня Вечером, 1930, 25 нояб.).

И если строковский журнал “Новая Нива” объявляет конкурс на самого прелестного ребенка, то, конечно же, им оказывается дочка самого Строка, чья фотография и украшает страницу.

Утверждая, что он – знаменитый композитор, а его брат – известнейший импрессионист, а еще один брат – величайший скрипач, он с полной уверенностью полагал, что ко всему он, О.Строк, еще и великолепный делец.

В середине 20–х годов в Риге то и дело возникали разные газеты, журналы и книжные издательства, сулящие моментальную прибыль. Русскоязычный читатель в Латвии и в сопредельных странах томился без русского печатного слова в популярной форме. А понятия об авторском праве в Латвии еще не существовало (Бернская конвенция была подписана только в 1937 году), можно было брать любую книгу любого автора на любом языке, сокращать, переименовывать, перепечатывать, не нужно было платить ни автору, ни переводчику. Плати лишь за бумагу и печать, а если удастся договориться об оплате в кредит, то и об этом можно забыть – пусть типография судом домогается денег.

Ситуация вполне для Строка, и он в октябре 1925 года испросил разрешение на издание “Синего журнала”, а в марте 1926 – на “Новую Ниву”.

До революции уже были журналы с такими названиями: respectable “Нива” для семейного чтения и “Синий Журнал” – издание откровенно бульварного толка с сенсациями, сплетнями, эпатазирующее “приличную публику”, но пользующееся успехом у публики, далекой от “приличностей”.

Оскар Строк слил эти два “псевдопродолжения” в одно издание, наполненное материалом, беззастенчиво нахватавшимся из старых и новых журналов, предварив свое издание рекламой: “Новая Нива” – иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни. Выходит еженедельно с приложениями: 24 тома книг известных русских и иностранных авторов, 52 №№ нот, 1 отрывной календарь, 6 других приложений и 52 №№ приложения “Синий Журнал”.

Естественно, что на такое заманчивое предложение откликнулось несколько тысяч подписчиков – увы, вскоре горестно разочаровавшихся!

Реклама – любимый самодвигатель Строка, поэтому любое дело он начинал и

Реклама – любимый самодвигатель Строка, поэтому любое дело он начинал и продолжал с бесцеремонной и разухабистой рекламы.

И в одном из номеров его журнала появляется хвала самому себе в виде “письма” некоего Вл.Осмоловского:

“В сентябре прошлого года мне попался в руки один из очередных номеров “Новой Нивы”, который весьма заинтересовал меня: ни одна книга за последнее 10-летие не всколыхнула в уме столько вопросов, сколько заронил этот один номер.

В связи с этим я подписался на журнал, и теперь анализирую весь путь осуществления программы “Новой Нивы”, чтобы уяснить ее идею. Может быть, я слишком идеализирую Ваш еженедельник, но мне кажется, что “Новая Нива” не просто новая перепашка старого печатного поля, но вещь знамение нового времени...” (Новая Нива, 1927, № 2).

Поистине восхитительна эта размашистая, цветистая, “возвышенная” фразеология, где “мысль”, “идея”, “программа”, “анализ” мелькают на страницах жалкого журнальчика, в котором нет ни одного живого самостоятельного слова, не говоря уже про “идею”. Стряпал его, надо думать, Василий Гадалин, только недавно похоронивший свой журнал “Наш Огонек” подобного же свойства. Но редактором числился сам Строк, одного титула – “издатель” – ему было маловато.

Содержание журнала представляло чудовищную окрошку из того, что подвертывалось под руку. Ю.Слезкин и А.Толстой, Осип Дымов и Рабиндранат Тагор, Руаль Амундсен и Маяковский, Лебедев-Кумач и Клод Фаррер. То есть – все сдиралось с любых свежих зарубежных изданий на русском языке. Номера сдваивались, не становясь толще. Книжки перепечатывались с дореволюционных и советских изданий. Реклама гласила, что печатаются они на лучшей бумаге верже и со вкусом переплетены. На самом же деле, бумага была прескверная, а вместо переплета – обложка чуть ли не из оберточной бумаги.

Гонорарные расходы были незначительные, а доходы – на первое время вполне приличные. Но как всегда в биографии Строка, за взлетом следовало падение. Строку стало тесно в Риге, его поманил Париж, вернее, увлекла его туда р-роковая любовь. Историю эту многословно изложил бульварный журнальчик “За кулисами Риги”, существовавший за счет слухов, сплетен и шантажа. В сенсационной статье “Подписчики “Новой Нивы” в руках ... кокетки” пространно живописуется возлюбленная Строка, сотрудница его издательства Лени Либман. Щедро одаривая ее за счет подписчиков, он не только согласился поселить ее в Париже, но даже перевести туда свой журнал, что было уж чистым безумием. Но чего не делает любовь!

Журнал в Париже, естественно, не привился, русских изданий там и своих хватало, а деньги скоро разошлись – и пришлось возвращаться в Ригу. Но здесь Лени Либман нашла себе иного покровителя, тоже женатого, но обещавшего ей развестись и жениться на ней, на Лени Либман. Это был некто Пальти, коммивояжер. Возможно, именно с ним связана написанная Строком песенка “Яша-комми-вояжер”:

*Край Прибалтийский объезжая,
Он всем ужасно надоел,
И чемоданчик раскрывая,
Наши Яша очень грустно пел:
“Купите туфли и чулки,
И помидоры и бычки,
И папиросы и табак,
И пылесосы и коньяк...”*

Вот с ним и выяснял отношения Строк с помощью торта, о чем рассказывает внучка Строка, только было это не на улице, а в еврейском клубе, где в буфете Пальти позволил себе отпустить по адресу отставленного любовника что-то нелепое, на что Строк схватил тарелку с пирожными и шырнул ее в лицо своему удачливому сопернику (За кулисами Риги, 1927, № 31).

Печатных источников, подтверждающих семейную версию о том, что “Черные глаза” связаны с Лени Либман, нами не обнаружено. Жаль, но, скорее всего, эта версия так и останется семейной. Что-то мог бы прояснить написавший слова этого танго А.Перфильев, но он, раскрывая свое авторство, не упомянул, какой сюжет ему был заказан Строком.

Как бы то ни было, потерпев крушение “любовной лодки” и издательства, Строк временно занялся деятельностью поскромней. В газетах замелькали объявления уже иного рода:

“Вследствие ликвидации распродаются по ценам макулатуры книги и ноты в нотнo-книжном магазине по улице Свободы, 10” (Сегодня, 1928, 28 июня).

А спустя год:

“Пианист-аккомпаниатор и композитор, свободный художник Оскар Строк разучивает и проходит русские романсы и песни, шлягера, оперетты, оперы. Готовит к выступлениям. Дает уроки художественного аккомпанемента. Аккомпанирует и играет на концертах и вечерах” (Сегодня, 1929, 26 февр.).

Такого рода объявления свидетельствуют о том, что никакого капитала О.Строк из издательского дела не вынес, что удостоверяет и “За кулисами Риги”:

“Даже наборщики вынуждены судом требовать свои заработные крохи с издания “Новой Нивы” Строка. Не заплатила “Новая Нива” и сотрудникам–писателям, в том числе до сих пор не считает нужным заплатить фактическому редактору журнала “пустяк” в 13 000 рублей...” (За кулисами Риги, 1927, №23).

Так что неверно (см.: Э.Чуянова), будто нажив деньги на чем-то (на журнале или на танго), Строк решил “вложить их в дело и открыл на бульваре Бривибас, почти напротив церкви Александра Невского, ресторан “Барберина”. Но не учел действующего в Латвии закона, запрещавшего торговать спиртными напитками в радиусе 500 м от религиозно–культурных учреждений... Обычный кафе, естественно, принес одни убытки. Параллельно с этим обанкротилось и его издательство”.

Мы не знаем, кто является автором приведенной нами цитаты – журналист или внучка Строка, но, как говорил Воланд: “Интереснее в этом вранье то, что оно – вранье от первого до последнего слова”.

1. Открыл Строк не ресторан, а кафе-дансинг “Барберина”.

2. Не на бульваре Бривибас, который шел только от Бастионного бульвара до Елизаветинской, а на улице Бривибас, уже за Дзирнаву.

3. Не почти напротив церкви Александра Невского, а в недавно выстроенном “модерном” доме проф. Сникера (ныне № 39, где сейчас антиквариат “Вольмар”).

4. Прогорело предприятие не из-за алкогольных ограничений, а по самому настояющему неумению вести дело.

5. И не “параллельно с этим обанкротилось издательство”, а тремя годами ранее, в 1928 году. “Барберину” Строк открыл в 1931.

Вкладывать в дело ему было нечего. Как издательство было пущено в ход на деньги подписчиков, так и кафе было открыто на деньги 20 нанятых официантов, с которых был взят залог в 200 латов с каждого. Так же в кредит было взято оборудование, посуда, два рояля и проч. (Сегодня, 1931, 16 дек.).

Как всегда, Строк позаботился о шикарной рекламе, провозгласив, что у него в “Барберине”, помимо джаза, первоклассная кухня под присмотром поваров из известнейших дореволюционных столичных ресторанов – Кюба и “Медведь”. Конфериовавшая на открытии Эльза Буш с четырьмя герлс исполнила написанный по случаю шлягер Строка “Барберина”, на слова Лери (Клюпотовского), присяжного автора всех рижских ревью и музыкальных представлений (Сегодня Вечером, 1931, 16 сент.).

Искренне убежденный, что рижане только и будут, что под джаз завтракать, обедать и ужинать в его заведении, Строк блистательно доказал, что начисто лишен делового чутья и предприимчивости, не заметил даже, что на дворе 1931 год: бушует мировой кризис, и рижане только и заняты тем, что переписывают друг на друга векселя, пытаясь спастись от разорения.

Провозившись с “Барбериною” всего два месяца, Строк был вынужден объявить себя банкротом. Все 20 официантов потребовали вернуть им деньги. Не расплатился Строк и с владельцем дома, в котором он арендовал этаж и крышу для летнего кафе. Последовал суд, Строк был препровожден в тюрьму, просидел там в камере с финансовыми делегатами четыре недели. В камере он написал “Мое последнее танго” и фокстрот под названием “Банкрот” (Сегодня, 1931, 27 дек.).

Шлейф долгов растянулся надолго. Вот некая Паулина Саулгозе заявила в полицию, что Строк взял у нее напрокат 180 скатертей и не вернул. Оказалось, что он отдал их в стирку, но не расплатился с владелицей прачечной, а та их продала (Новый Голос, 1932, № 6).

Так что газетчики были правы, именуюя свои репортажи о нем: “Строк – талантливый неудачник”.

Кое-как расплатившись с частью долгов, Строк на время уезжает в Германию. Но там развернуться ему не пришлось – к власти пришли нацисты, и он возвращается в Ригу.

Словом, вновь Строку пришлось играть по ресторанам, сопровождать и гастролировать. И вновь он делает попытку держать кафе – летнее кафе “Рандеву” в Майори. И вот здесь-то действительно имел в 1934 году казус с алкоголем: надо же было, чтобы в кафе зашел полицейский чин в штатском, заказал ликер и даже заплатил за него, а потом стал составлять протокол, так как кафе не имело лицензии на продажу алкогольных напитков. И опять последовал суд, вынесший решение: штраф 100 латов или месяц отсидки (Сегодня, 1934, 6 марта, 29 апр.).

Вот в такой обстановке и рождались прославленные танго.

Самое же парадоксальное во всех этих житейских историях, что все эскапады, залихватское вранье, романы, в которые Строк кидался очертя голову, не могли повредить его имени. Он так и остался достопримечательностью Риги, именно за свою, как говорят французы, jovialность, то есть постоянное радостное восприятие жизни, способность наслаждаться ею взнахлеб. А это сказалось в том, что все его танго, несмотря на продиктованную жанром легкую грусть по развеянным любовным иллюзиям, напеты голосом непреходящей жажды искреннего увлечения, отмечены сентиментальной напевностью, отчего они не знают увядания, и стоит им зазвучать, как и в старости вспыхивает тот блик, который играл на безрассудстве молодости.

P.S. Когда наша статья уже была готова к печати, мы получили справку, что в картотеке С.-Петербургской консерватории, где сохранились сведения не только о ее выпускниках, но и обо всех поступивших в консерваторию, имя О.Срока не значится. Возможно, картотека не полна. Но имя брата Льва (1888 г.) значится - он окончил скрипичный класс Ауэра в 1908/9 учебном году.

О.Строк (в третьем ряду третий справа) с артистами и гостями. Конец 20-х-начало 30-х гг.